

ТЮРЕМНЫЙ ЛЕКАРЬ

Мятежная королева

Золотая клетка

Предатели крови

ЛИНЕТТ НОНИ

ПРЕДАТЕЛИ
КРОВИ

Москва
2024

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44
Н81

Lynette Noni
THE BLOOD TRAITOR
Copyright © 2022 by Lynette Noni
Jacket art © 2022 by Jim Tierney

Перевод *Иты Куралесиной* под редакцией *Ксении Тринкунас*

Нони, Линетт.

Н81 Предатели крови / Линетт Нони ; [перевод с английского И. Куралесиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 432 с.

ISBN 978-5-04-186840-6

Кива думала, что жаждет мести. Но чувства меняются, люди меняются...
Всё изменилось.

После того что произошло во дворце, Кива отчаянно желает знать две вещи: в безопасности ли её близкие и смогут ли те, кого она подвела, когда-нибудь простить её. Но теперь, когда королевства стоят на пороге войны, на карту поставлено гораздо большее, чем её разбитое сердце.

Новое начало – рискованное предприятие, которое заставит смертельных врагов и ненадёжных союзников объединиться в гонке со временем, чтобы спасти не только Эвалон, но и весь Вендерол. Кива больше не может просто выживать – она должна бороться за то, во что верит. За тех, в кого верит.

Но сможет ли она выстоять, когда всюду таятся опасности, а жизни всех, кто ей дорог, находятся под угрозой?..

Заключительная книга трилогии «Тюремный лекарь».

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Куралесина И., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-186840-6

Дорогие читатели!

В этом цикле с самого начала поднимались взрослые темы, но, учитывая финал «Золотой клетки», путь, который предстоит проделать Киве, куда сложнее, чем все, что ей уже пришлось пережить. Я старалась писать о сложных вещах как можно более мягко, но, пожалуйста, имейте в виду: на страницах книги некоторые читатели могут встретить триггеры.

Всем, кто хотел сдаться,
но решил продолжать,
пытаться,
надеяться,
выживать:
эта книга для нас.

ПРОЛОГ

Она рыдала.

Слезы ручьями текли по лицу, капали с подбородка, пропитывали одежду. Плакать приходилось тихо. Никто не должен знать о ее горестях.

Потому что никто не поймет.

Обняв руками колени, она уставилась во тьму палатки, молясь давно позабытым богам. Умоляя о прощении. Хотя знала, что не заслуживает его и не сможет заслужить никогда.

Учитывая, что она сделала.

Учитывая, что она *создала*.

Ее сотрясли рыдания.

— Я ошиблась, — беззвучно произнесла она. — Надо все исправить. Я должна все исправить.

В таком состоянии ее и нашел мужчина: она раскачивалась на месте от душевной боли, вся в слезах.

Он замер на пороге палатки, потом бросился к ней, упал на колени, взял ее дрожащие руки в свои.

— Что случилось, родная? Тебе плохо? Болит где-нибудь?

Она подняла на него глаза, полные слез, и хрипло ответила:

— Я ошиблась.

Он нахмурился:

— В чем ошиблась?

По щекам снова заструились слезы.

— Во всем.

Мужчина не стал скрывать растерянность. Как и страх.

— Ты приболела, — проговорил он. — Скажу Зулике, чтобы пришла и вылечила...

— *Нем!* — закричала женщина, отдергивая руки, и ее напряжение волной захлестнуло палатку.

Мужчина присел на корточки, разглядывая ее. Повторил тихонько:

— Что случилось?

Женщина долго молчала. А когда наконец ответила, слова вырвались с мучительным скрежетом:

— Зулика убила их. Сломала им шеи одним мановением руки.

Мужчина побледнел:

— Кого?

— Деревенских — всех, кто попался ей на глаза. Всех, кто не так на нее посмотрел. Всех, кто не захотел присоединиться. — Женщина глотнула. — Все думают, что это сделала я. Но я... — Она покачала головой и прошептала: — Я знала, что она становится сильнее, но такое... Я никогда не думала, что случится нечто подобное. И никогда этого не хотела. Она обещала, что больше не станет ее использовать, особенно после последнего раза, когда она... Когда я...

— В последний раз ты ее остановила, — сказал мужчина утешающе, но твердо. — Не позволила ей убить принца и стражу. Они живы и здоровы.

— Та стражница *руку* потеряла.

— Потеряла бы больше, если бы ты не сняла с нее магические путы. И наследный принц был бы мертв. — И тихо добавил: — Ты же не так давно сама этого желала. Чтобы стало на одного Валлентиса меньше.

— Я не понимала... — Женщина вновь покачала головой. — Он же просто мальчик... Даже младше Торелла. Я увидела его и... — Она закрыла глаза и повторила: — Он же просто мальчик.

— И все-таки его семья стоит у тебя на пути. И он в том числе.

— Есть много способов занять престол. Способов, которые попутно не причинят вреда никому из моих близких. Я не могу... — Она всхлипнула. — Не могу потерять кого-нибудь еще. Не такой ценой. Она же доведет себя до смерти, если будет и дальше использовать ее во вред. Магия разрушит ее изнутри.

Тщательно подбирая слова, мужчина ответил:

— Не вини себя за действия Зулики. Это ее выбор.

— Ты ошибаешься, Голдрик. Все, что она делает, она делает из-за меня, — ответила женщина, мысленно обратившись внутрь и вспоминая, что случилось лишь несколько часов назад. Хрустящие кости, сломанные шеи, падающие тела — мужчины, женщины, дети, все умерли мгновенно. — Я научила ее всему, что она знает. Это моя вина.

Повисла тяжкая пауза, а потом мужчина — Голдрик — спросил:

— Какие будут приказы, моя королева?

Лишь тогда Тильда Корентин подняла изумрудные глаза и встретила его взгляд, и он, ее лучший друг, ее наиболее доверенный советник, все понял без слов еще до того, как она прошептала ответ. До того, как она попросила его о помощи.

И тогда, склонив друг к другу головы, они придумали план.

НАШИ ДНИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кива Корентин горела.

Пламя опаляло ее, и кровь закипала в венах, и она стонала, и брыкалась, и отбивалась от рук, которые удерживали ее на месте.

— Она вся горит, — раздался грубый мужской голос. — Дай ей воды.

Киву захлестнула вонь рвоты, такая близкая, что она поняла — это ее собственная рвота, и ее вновь затошнило.

Она была больна.

Нет — не больна.

Где-то в глубине души она знала, что страдает не от болезни.

На нее обрушился вихрь воспоминаний: голубые с золотом глаза, зацелованные губы, жуткие тени и битое стекло, карамельная пыльца и железные решетки. Но затем воспоминания рассеялись, образы ушли из памяти, и остался лишь чистый жар, составляющий самую ее суть.

— Боги, какой кошмар, — раздался полный отвращения женский голос.

Меж губ Кивы всунули деревяшку. Вода полилась по пересохшему горлу, плеснула на подбородок.

— Ага, — согласился мужчина. — Причем *твой* кошмар. У меня на дохляков времени нет.

Руки, что держали Киву, исчезли. Она попыталась сесть, но тело охватили языки пламени. Веки распахнулись на тысячную долю секунды, однако огня она не увидела. Горела она сама — полыхала *изнутри*.

— Она не дохлая, — возразила женщина.

— Ты погоди, — ответил мужчина издалека, будто уже с порога. — Она слишком уж набралась, теперь без дури не выживет. Бросила б ты ее. Или уж добила бы из жалости, если духу хватит. — Смешок. — У тебя-то с этим вряд ли возникнут сложности.

— Ты же тюремный лекарь! — сердито заметила женщина. — Помочь ей — твоя работа.

Еще один мужской смешок.

— Ей уже никто не поможет.

В ушах так грохотало, что Кива почти не слышала удаляющихся шагов. Сердце колотилось неестественно быстро. *Опасно* быстро.

Она смутно понимала, что зря не переживает о своем состоянии, но ничем не могла себе помочь, не могла даже *думать* под всепожирающей агонией, полыхающей в теле.

В мозг вонзился поток ругани, следом появилась мозолистая рука, которая пробралась под шею и грубо потянула наверх, и к губам Кивы вновь прижали стакан.

— Пей! — приказала женщина, силой вливая Киве в рот воду. — Хочешь жить, так пей.

Кива попыталась послушаться, давась жидкостью и все гадая зачем. Если ее жизнь теперь такова, то определенно лучше бы умереть. «Добить из жалости», сказал тот мужик. Киве этого и хотелось: чтобы полыхающий ад как отрезало, чтобы зияющая дыра в груди исчезла навсегда.

Дыра, которая, как она понимала, к ее нынешнему состоянию не имела никакого отношения.

В памяти вновь мелькнули голубые с золотом глаза — еще один мучивший ее образ, пусть и страдания эти были иного рода, — а потом снова исчезли.

— Твою мать, Кива, *ней* же! — раздался злой женский голос.

Но Кива не могла проглотить больше ни капли. Ее затрясло, огонь мешался со льдом. Кожу покрывал пот, хотя она дрожала от резкого холода, но, когда ее накрыли одеялом, она заскулила, чтобы его убрали.

Слишком жарко.

Слишком холодно.

Слишком.

— Пожалуйста, — прохрипела она, не зная, чего просит и у кого. — *Пожалуйста.*

— Ты не помрешь вот так, — твердо сказала женщина. — Не так.

Но Кива ей не поверила. Потому что она хотела, чтобы все закончилось, все.

И когда сил терпеть пытку уже не осталось, она отдалась блаженным объятиям забвения.

Когда Кива открыла глаза, первым делом она увидела змею.

Комната шла кругом — слабо освещенное пространство, полное голых тюфяков и ветхих одеял, знакомый едкий запах.

Это лазарет, шепнули из дальнего уголка памяти. Лазарет Залиндова.

Ее охватила тревога, но она не смогла даже испугаться по-настоящему — на языке налип карамельный вкус, а змея открыла пасть и заговорила.

— *Соберись!* — прошипела змея, грубо трясая ее. Голос напоминал о той женщине, которая лила ей в глотку воду.

Кива хихикнула и потянулась потрогать змею.

Ее ударили по рукам.

— Тебе надо идти со мной в тоннели, иначе тебя добьют. Слышишь? Не начнешь работать, и тебе крышка.

Подгоняемая змеей, Кива села, и голова мотнулась набок. Она смутно разглядела, что одета в грязную серую рубаху, и сморщилась от вони собственной рвоты.

— Боги, ты хоть представляешь, что происходит? — буркнула змея. Она обвилась вокруг Кивиной спины и подняла ее на ноги. — Слишком много ангельской пыли тебе давали по дороге сюда, теперь ты без нее не можешь.

Змея потащила ее по лазарету.

— Я кое-что раздобыла, тебе хватит на пару дней. Будем снимать тебя с нее потихоньку, иначе органы начнут отказывать. Понимаешь меня?

— Говорящая змея... — сонно протянула Кива, спотыкаясь, когда ее вытянули на улицу. Она подняла руку к солнышку и улыбнулась ярким цветам вокруг. — Денек славный...

Змея грязно выругалась и прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Кива, это я, Креста. Соберись.

Креста.